

УДК 1(091)

О ГЛАВНОМ АРГУМЕНТЕ ДЭВИДСОНА

А. А. Санжеников

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sanzhenakov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается один из аргументов Дональда Дэвидсона в защиту каузального подхода, согласно которому объяснение действий через основания является разновидностью причинного объяснения. Дэвидсон полагает, что квалификация тех или иных желаний и убеждений в качестве оснований не является достаточным условием для объяснения действия. Для того, чтобы действительно объяснить действие, нам необходимо найти то основание, которое стало реальной действующей причиной, поскольку одно основание может правдоподобно объяснять действие, но при этом не быть его истинной причиной. Это рассуждение Дэвидсона получило наименование главного аргумента (the master argument) и рассматривается в последующей традиции как один из самых сильных доводов в пользу каузализма. В статье показаны слабые стороны данного аргумента.

Ключевые слова: теория действия, основания для действия, причины действия, главный аргумент Дэвидсона, каузальная теория действия, антикаузализм, аномальный монизм, объяснение, рационализация.

Для цитирования: Санжеников, А. А. (2024). О главном аргументе Дэвидсона. *Respublica Literaria*. Т. 5. № 4. С. 39-51. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.39-51

ON DAVIDSON'S MASTER ARGUMENT

A. A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sanzhenakov@gmail.com

Abstract. The article discusses one of Donald Davidson's arguments in defense of the causal approach, according to which the explanation of actions through reasons is a kind of causal explanation. Davidson insists that the qualification of certain desires and beliefs as reasons is not a sufficient condition for explaining an action. In order to really explain an action, we need to find the reason that became the real efficient cause, since one reason can plausibly explain an action, but at the same time not be its true cause. This thesis of Davidson was called the master argument and is considered in the subsequent tradition as one of the strongest arguments in favor of causalism. The article shows the weaknesses of this argument.

Keywords: theory of action, reasons for action, causes of action, Davidson's master argument, causal theory of action, anti-causalism, anomalous monism, explanation, rationalization.

For citation: Sanzhenakov, A. A. (2024). On Davidson's Master Argument. *Respublica Literaria*. Vol. 5. No. 4. Pp. 39-51. DOI: 10.47850/RL.2024.5.4.39-51

Современные теории действия в аналитической философии по умолчанию используют схему желание-убеждение в качестве объяснительной модели. Считается, что одного желания недостаточно для того, чтобы действие осуществилось. Помимо желания у субъекта

действия также есть убеждение о том, что ему нужно совершить ряд операций, чтобы желаемое положение дел реализовалось. Как полагают многие современные философы, желание и убеждение являются основаниями (reasons) для действия. Относительно функций оснований для действия существует две точки зрения. В первом приближении основание – это то, в свете чего действие представляется разумным и осмысленным. Когда мы говорим, что у некоего человека не было оснований идти за кофе, мы подразумеваем, что его действие было иррациональным ввиду каких-либо обстоятельств личного характера (например, всю свою сознательную жизнь он ненавидел кофе, отдавая предпочтение чаю) или же объективного плана (ближайшая кофейня находится в нескольких километрах от него, а средств передвижения у него нет). Поэтому зачастую действующее лицо предоставляет основания себе и окружающим с целью показать разумность и оправданность своего действия. Однако, по мнению некоторых философов, эта история не ограничивается объяснительной функцией, т. к. основания не только выступают экспланантом действий, но и вызывают действия, т. е. являются их причинами. Такой подход называют каузальным, а его сторонников – каузалистами. В истории философии было великое множество каузалистов, что объясняется очевидностью того факта, что наши действия действительно зачастую протекают из наших ментальных актов (желаний и убеждений). Аристотель, Д. Юм, А. Айер, Д. Дэвидсон, А. Голдман – вот лишь некоторые проponentы этой точки зрения. Их оппоненты – антикаузалисты – менее многочисленны и имеют менее древнюю генеалогию в истории философии. В большинстве случаев отправной точкой служит философия позднего Витгенштейна. За ним следуют Э. Энском, Г. Райл, Ф. Фут, Р. Тайлор, А. Мелдон.

В настоящий момент фигура Д. Дэвидсона является ключевой для спора между каузалистами и антикаузалистами. Практически в каждой публикации по этой теме упоминается его подход. Это вовсе не удивительно, учитывая тот факт, что именно Дэвидсон сформулировал основные защитные стратегии каузалистов, а также указал антикаузалистам на слабые стороны их позиции. Ключевой точкой наступательной стратегии Дэвидсона повсеместно признается его так называемый «главный аргумент» (the master argument). Поскольку он до сих пор обсуждается, его теоретическая значимость и актуальность для философии действия не вызывает сомнений. В этой статье мы намерены провести критическую оценку этого аргумента. С этой целью сначала будет представлен абрис дискуссии, затем мы рассмотрим сам аргумент и в конце обратимся к его критике.

О дискуссии в общих чертах и о ее значении для современной философии

Обычно исследование человеческих действий начинается с выделения человеческой деятельности в отдельный специфический вид активности. Действия являются произвольными и зависят от человека, поэтому явления природы и неконтролируемые движения тела не относятся к действиям. Широко признается, что главным отличительным свойством действия является намеренность. Однако этот консенсус не дает надежд на окончательное решение проблем в теории действия, но порождает новые вопросы. Как нам разграничить намеренные движения от ненамеренных? Если мое намеренное действие повлекло за собой нечто, что я не мог предвидеть, является ли это последствие частью моего действия? И наконец, предмет нашего исследования возникает, когда мы задаемся вопросом, является ли намерение причиной действия? Начиная с Аристотеля

и вплоть до Юма история философии не знала иного ответа на этот вопрос, кроме как положительного. Поздний Витгенштейн в «Философских исследованиях» выступает против этой традиции. Этот по тем временам неординарный подход вдохновил многих и сформировал целый лагерь антикаузалистов. Затем мы видим реакцию на поствитгенштенианскую теорию действия – Дэвидсон снова возвращается к классическому ответу. Так вырисовывается оппозиция каузалистов и антикаузалистов.

Интуиции, которые стали основными драйверами дискуссии, могут быть представлены следующим образом: 1) люди действуют исходя не столько из объективных обстоятельств, сколько на основании своих субъективных соображений (которые, естественно, могут принимать во внимание объективные факторы), причинность описывает исключительно объективную процессуальность и поэтому не может применяться к действиям людей; 2) любые события имеют причину, действия людей также являются событиями, поэтому причинность распространяется и на них. Аристотель был ярким представителем второй позиции, поэтому именно его Дэвидсон называет в качестве главного провозвестника каузального подхода в теории действия.

В простом виде современную каузальную (стандартную) теорию действия можно изложить словами Майкла Мура: (1) действия отчасти соответствуют движениям тела; (2) определенные ментальные состояния (верование, желание, намерение, воление, выбор, решение, обдумывание и т. п.) вызывают эти движения тела и характеризуются как волевые акты; (3) отношение между волевыми актами и движениями тела является причинным [Moore, 2010, p. 28]. Здесь мы видим частичное тождество действия и движения тела. Это не случайно, поскольку стороннику причинной модели важно редуцировать рациональную деятельность по выбору мотивов и имплементации мотивирующего резона в действие до уровня физических наблюдаемых явлений, потому что такая редукция упрощает введение каузального элемента при обсуждении действий. Другой момент, который обращает на себя внимание, – это механицизм, который свойственен каузальному подходу. Под механицизмом в данном случае мы подразумеваем разложение действия на несколько каузально связанных элементов (например, мотив выступает отдельным элементом и обладает каузальной силой, вызывающей само действие). Некоторые исследователи вводят такой особый элемент, как «попытка сделать что-то» [Hornsby, 2010]. Наглядный пример можно найти в работе Дж. Сёрля «Рациональность в действии», где в структуре действия различаются несколько разрывов (gaps), один из которых находится между «предварительным намерением и намерением в действии, то есть между решением сделать то-то и то-то и реальной попыткой это сделать» [Сёрль, 2004, с. 69]. Именно против подобного понимания восстал поздний Витгенштейн. «Поднимая руку, я чаще всего не *пытаюсь* ее поднять» («Философские исследования», § 622) [Витгенштейн, 1994, с. 247]. В данном случае механицизм каузалистов критикуется через чувство естественности совершения действия. Это чувство не позволяет нам выделить в наших действиях стадии или этапы¹. Конечно, если речь идет о неординарных или сложных действиях, то некоторая

¹ Другой пример критики механицизма мы можем найти у Э. Энском, когда она выступает против анализа действия посредством его разложения на до-намеренное (preintentional) телесное движение и некое внутреннее психологическое состояние (можно назвать его волением), которое и делает это движение намеренным [см.: Anscombe, 1957, pp. 28-29].

дискретность наблюдается. Предположим, я собрался покорить Эверест. Для этого мне нужно предварительно много тренироваться, выстраивать маршрут, покупать экипировку и т. д. Добавим к этому, что само действие по восхождению на вершину не является одномоментным. Похожая ситуация с действиями, которые не растянуты во времени, но все же требуют от агента некоторых усилий. К примеру, мне в отличие от олимпийских чемпионов придется долго собираться с духом, чтобы заставить себя прыгнуть с десятиметровой вышки в воду. Однако в большинстве случаев обычные действия совершаются без какого-либо усилия воли, как следствие, мы не можем выделить предварительный (подготовительный) этап и сам акт. На это обращает внимание Г. Райл, который в книге «Понятие сознания» доказывает, что воля является пустым понятием [Райл, 1999, с. 70-89].

Антикаузалисты полагают, что понятие причины неуместно использовать при рассмотрении человеческой разумной деятельности. Аргументируя свою позицию, они отмечают, что причинность предполагает постоянство связей между antecedentными и consequentными событиями, а в связи мотивов и действий мы не видим этого постоянства, поэтому каузальность не применима здесь. «Если основания R, которые приводит агент в качестве объяснения своего действия, были в числе причин его действия A, тогда должен существовать некий универсальный каузальный закон, который номологически связывает психологические факторы в R (вместе с другими значимыми условиями) с действием типа A, которое они рационализируют. Однако, как утверждали некоторые, таких психологических законов просто не существует» [Wilson, Shpall, 2022]. К тому же существуют сомнения относительно уместности использования понятия «события» по отношению к желаниям и убеждениям. Антикаузалисты настаивают на понятии «состояния», а применительно к состояниям причинно-следственная связь недопустима. Другая линия критики каузального подхода связана с усмотрением особых характеристик знания от первого лица, которое совершает действие («знание без наблюдения», как это называет Э. Энском). Поскольку о причинах мы знаем иным образом (через наблюдение), постольку ментальные состояния (желания и верования) не могут рассматриваться как причины действий. Еще одна довольно часто используемая стратегия – сведение рассуждения *ad infinitum*: если преднамеренное действие требует некоего элемента, который и вносит произвольность в движение, которое мы квалифицируем как действие, то этот элемент должен обладать произвольностью, которую он должен получить от другого подобного элемента, а тот в свою очередь также требует предварительного элемента, и так до бесконечности². Не менее важное возражение против стандартной теории действия заключается в том, что, руководствуясь этой теорией, мы рискуем потерять агента как такового, поскольку он становится ареной, на которой происходят события в виде ментальных состояний.

² «Волевые акты, таким образом, порождают некоторые ментальные процессы. Но как дело обстоит с самими этими актами? Являются ли они добровольными или недобровольными действиями сознания? Ясно, что и тот, и другой ответ ведет к нелепостям. Если я не могу удержать воления нажать на спусковой крючок, то было бы абсурдно описывать это нажатие как “добровольное”. Но если мое воление к нажатию на курок является добровольным в принятом рассматриваемой теорией значении, тогда оно должно происходить из предшествующего волевого акта, а тот из другого, и так *ad infinitum*» [Райл, 1999, с. 75].

«Главный аргумент» Дэвидсона

Исследования природы действия, проведенные Дэвидсоном, до сих пор остаются актуальными и активно обсуждаются академическим сообществом. Его аргументы и доводы в пользу каузализма расцениваются как вызов, несмотря на то что они были сформулированы более полувека назад. Среди этих аргументов есть наиболее значимый – так называемый «главный аргумент» (the master argument), который представлен Дэвидсоном в программной статье «Действия, причины и основания» [Davidson, 1963]. Именно этот аргумент считается наиболее проблемным для антикаузалистов, поэтому им критически важно на него ответить. Его значение также обусловлено тем фактом, что это единственный позитивный аргумент в указанной статье, в то время как другие доводы имеют характер контраргументов, направленных против сторонников Витгенштейна. Цель главного аргумента заключается в том, чтобы доказать, что рационализация (объяснение действий) через основания не может быть успешной до тех пор, пока мы не признаем, что между основаниями и действиями существует причинное отношение. Как следствие, единственно верное и возможное объяснение действия – это причинное объяснение.

Суть аргумента состоит в том, что только благодаря причинности мы можем провести адекватное различие между основаниями, которые просто имеются у агента, и теми основаниями, которые действительно объясняют его действие: «... человек может иметь основание для действия и совершить это действие, и все же это основание не будет тем основанием, исходя из которого он это сделал» [Ibid., p. 691]. Иначе говоря, базовое основание³ является не только способом рационализации действий, но также выступает их причиной. В самом деле у агента могут быть самые различные основания, среди которых некоторые могут быть более явными, а некоторые – менее явными. При этом вовсе не обязательно, что реальной причиной действия стали те основания, которые наилучшим образом объясняют образ действий. Например, предположим, что я иду в кофейню. Самым очевидным основанием для такого действия будет мое желание выпить кофе, но на самом деле у меня есть другое, более сильное основание выйти из дома и пойти в кофейню – я просто устал писать статью и решил прогуляться до ближайшей кофейни. Таким образом, по мнению Дэвидсона, чтобы верно объяснить действие мы должны выбрать именно то основание, которое послужило его действительной причиной. Поскольку каузальная связь указывает нам на нужное основание, постольку рационализация не может игнорировать ее.

Начнем рассмотрение этого аргумента с самого важного, на наш взгляд, момента. Сила и слабость (как мы увидим далее) этого аргумента заключаются в том, что он одновременно работает на двух разных уровнях. Первый уровень связан с рассуждением об оправданности и уместности тех или иных действий. Это, условно говоря, дискурсивный или нормативный уровень. Второй уровень касается того, как те или иные психологические процессы приводят к движениям тела, которые мы квалифицируем как действия. Это уровень можно так же условно обозначить как физический. Антикаузалисты

³ Базовым основанием или основным резонансом (primary reason) Дэвидсон называет пару из предрасположенности к действию (“pro attitude toward action”) и инструментального убеждения, которое указывает способы достижения цели действия. Например, я хочу осветить комнату (это моя предрасположенность к действию), и я верю, что для этого мне надо щелкнуть клавишу выключателя, следствием этих двух ментальных состояний будет мое действие по включению света.

стараятся остаться на первом уровне и не заходить на второй, поскольку это, как сказал бы И. Кант, царство природы, где царит необходимость. В связи с этим, позицию Дэвидсона на первый взгляд можно представить как некий вариант реализма. Дело в том, что сторонники рационально-объяснительного подхода замыкаются на внутренней жизни сознания, как главного источника не только интенциональных актов, но и в конечном счете первопричины манифестации нашего Я в виде действий, которые могут наблюдать другие люди. Тем самым они отчасти забывают о реальных (объективных) аспектах деятельности. Такому подходу противостоит реалистический подход, объяснения которого тяготеют к обнаружению физических (и физиологических) причин действий. Многие современные философы стараются согласовать свою позицию с этой тенденцией и оставаться на реалистических позициях при объяснении действий, или как минимум учитывать этот аспект. Поскольку Дэвидсон проводит различие между основаниями как кандидатами на объяснение действия и основаниями как *реальными* причинами действий, то его можно было бы отнести ко второму типу. Однако такая простая дихотомия не отражает всех тонкостей философии Дэвидсона. Чтобы показать более объемно теоретические основания его философии, нам нужно подробнее изложить его взгляды на соотношение ментального и физического.

Дэвидсон пытается уйти от классического со времен Декарта противопоставления *res cogito* и *res extensa*. С этой целью он приходит к заключению, что физическое и ментальное является двумя способами описания одного явления. Это позволяет ему относительно легко переходить с одного уровня на другой. Фактически у нас нет дуализма, поскольку речь идет лишь о способах представления одного и того же действия. В связи с этим можно сказать, что каузальный элемент вводится не извне, а изнутри нашего осмысления действия. Безусловно, такая теория требовала хорошо разработанной онтологии. С этой целью Дэвидсон предложил свою знаменитую концепцию аномального монизма. Согласно этой теории, все ментальные акты тождественны физическим актам, но не все физические акты тождественны ментальным актам⁴. При этом свою позицию Дэвидсон отделяет от крайне материалистической, предполагающей, что существует номологическая связь между ментальным и физическим, и поэтому возможно предсказать ментальные акты на основании физических событий. В связи с этим Дэвидсона вряд ли можно отнести к тем реалистам, которых мы выше противопоставили сторонникам рационального объяснения. В статье «Ментальные события» Дэвидсон, рассматривая проблему соотношения ментального и физического, выдвигает три принципа. «Первый принцип утверждает, что по крайней мере некоторые ментальные события причинно взаимодействуют с физическими событиями» [Davidson, 2001, p. 171]. Это значит, что если некто совершил определенное действие, то «он двигал своим телом таким образом, который был вызван определенными ментальными событиями» [Ibid]. «Второй принцип заключается в том, что там, где есть причинность, должен быть и закон: события, связанные как причина и следствие, подчиняются строгим детерминистическим законам» [Ibid]. Наконец, «третий принцип заключается в том, что не существует строгих детерминистских законов, на основе которых можно было бы предсказывать и объяснять психические явления» [Ibid, p. 172].

⁴ Кратко и доступно об аномальном монизме Дэвидсона можно прочесть здесь: [Прист, 2000, с. 151-155].

Третий принцип ставит под сомнение наличие такой закономерности. Дэвидсон отрицает существования каких-либо строгих «психофизических» законов потому, что он понимает ментальное как нечто ограниченное весьма общими принципами рациональности. Несмотря на то, что Дэвидсон отстаивает версию теории тождества, которая отрицает существование строгих законов, связывающих ментальное и физическое [Ibid, p. 174], он, тем не менее, предполагает, что в нестрогом виде эти законы есть. Значительно упрощая, можно сказать, что, по Дэвидсону, ментальные акты всегда имеют денотаты в виде физических актов (например, нейронных процессов в мозге), но один и тот же ментальный акт не всегда приводит к одним и тем же физическим действиям, с чем в целом сложно спорить.

Аномальный монизм крайне удобная концепция, поскольку позволяет, с одной стороны, ввести онтологические основания для ментальной каузальности, а с другой – уйти от обвинений в нарушении свободы воли субъекта действия. Оба момента крайне проблематичны, поэтому требуют к себе особого внимания со стороны Дэвидсона и его сторонников. Критики каузализма заявляют, что через причинность обычно описываются физические события, а резоны – это ментальные состояния, поэтому они не могут быть причинами. Только постулируя тождество ментального и физического (или редуцируя одно к другому), мы можем законно вводить каузальную связь оснований и действий. Именно это отождествление Дэвидсон проводит в аномальном монизме. Предположим, мы согласны с этим, но тогда возникает другая проблема – причинность традиционно связывается с необходимостью, которую мы не наблюдаем в действиях людей. Отличительным свойством произвольного действия является то, что субъект сам избирает те ментальные акты или положения дел, которые он считает наиболее важными или желательными, что в итоге становится тем основанием, исходя из которого он действует. Поэтому один и тот же набор желаний и / или положений дел у разных людей может привести к различным действиям. Это связано с тем, что основания, по мнению некоторых философов, представляют собой не просто ментальные (или, если угодно, психологические) состояния (желание, влечение, предпочтение и т. д.), но скорее соображения или рассуждения в пользу того, что нечто желательно [см.: Hieronymi, 2011, p. 408]⁵. В этом состоит отличительное свойство рациональной деятельности – она осуществляется после некоторого обдумывания и рассмотрения альтернатив. На этом особенно настаивал Дж. Сёрль, когда вводил понятие «разрыва», которое было призвано показать моменты свободы и выбора в рамках практического разума⁶. Показательно, что Аристотель, описывая действия и движения живых существ через причины (*αἰτίαι*), постоянно отмечает, что переход от желаний

⁵ Дэвидсон тоже обращает внимание на эту особенность в самом начале своей статьи: «Основание рационализирует действие только в том случае, если оно позволяет нам увидеть что-то, что агент видел или думал, что видел в своем действии, – какую-то черту, последствие или аспект действия, который агент хотел, желал, ценил, дорожил, считал нужным, полезным, обязательным или приятным» [Davidson, 1963, p. 685].

⁶ «В случае обычного рационального поступка мы должны предположить, что предшествовавшего ему набора убеждений и желаний недостаточно, чтобы детерминировать действие. Это является исходной предпосылкой процесса обдумывания и абсолютно необходимо для применения рациональности. Мы предполагаем, что здесь налицо разрыв между “причинами” действия, то есть убеждениями и желаниями, и “следствием” в виде самого действия. Этот разрыв имеет свое традиционное название – “свобода воли”. Для того чтобы рационально принимать решения, мы должны заранее знать, что обладаем свободной волей в любой рациональной деятельности» [Сёрль, 2004, с. 28].

и перцепций субъекта к действиям происходит неизбежным и непосредственным образом. Так, если верить его примеру практического силлогизма, то желания и убеждения *сразу же*⁷ приводят к действию. Именно поэтому он уподобляет движения живых существ механизму⁸. Подобное видение кажется проблематичным, поскольку не оставляет места для свободы воли. Аристотель решает это с помощью концепции свободного выбора (*proairesis*). Дэвидсон, как мы говорили выше, избавился от этой проблемы с помощью разработанного им аномального монизма, постулирующего отсутствие необходимой связи между ментальными актами (желаниями и убеждениями) и физическими событиями (действиями), но оставил возможность редуцирования одного к другому, чтобы защититься от оппонентов, которые, в частности, предлагали такой критический аргумент: (1) до тех пор, пока верования не являются состояниями мозга, мы не можем с их помощью давать причинное объяснение поведения; (2) верования не являются состояниями мозга; (3) следовательно, объяснение действий с помощью оснований не является разновидностью причинного объяснения [Sehon, 2000]. С нашей точки зрения, значение аномального монизма Дэвидсона состоит не в редукции ментального к физическому, а в постулировании нерегулярной причинной связи между ментальным и физическим. Это гарантирует свободу воли субъекта действия (хотя сам механизм осуществления этой свободы при этом не проговаривается) и позволяет уклониться от обвинений в неоправданном введении детерминизма вслед за причинностью в сферу человеческой деятельности.

Критика аргумента Дэвидсона

Начинать критику следует с прояснения самого аргумента и его составляющих. Прежде всего необходимо уточнить, что именно доказывает Дэвидсон, – что основания для действия являются причинами, или что объяснение через основания является причинным объяснением. Оба эти тезиса звучат в рассматриваемой статье, поэтому вопрос не является праздным. Как полагают некоторые современные комментаторы, в аргументе Дэвидсона речь идет именно о причинном объяснении, а не о причинно-следственной связи оснований и действий. Так, Кристиан Кицманн указывает, что, согласно Дэвидсону, причинное отношение имеет место вне зависимости от того, как описываются события. Хотя события можно описывать по-разному, «причинная связь между событиями означает, что существуют истинные описания событий, которые подтверждают строгий причинный закон» [Kietzmann, 2023, p. 243]. Отличительной особенностью причинного отношения является его законосообразность, что говорит о том, что оно описывает экстенциональные отношения между событиями, в то время как причинные объяснения представляют собой

⁷ «Например, подумав, что всякий человек должен ходить, ты, будучи человеком, *тут же* (здесь и далее курсив мой – А. С.) пойдешь; напротив, если ты решишь, что в определенном случае ни один человек не должен ходить, ты, сам будучи человеком, *тут же* остановишься. В обоих этих случаях всякий поступит именно так, если ничто ему не помешает (*κωλύει*) или не воспрепятствует (*ἀναγκάζει*). Я должен сделать что-то благое; дом – это благое; я *тут же* строю дом» [Аристотель, 2016, с. 746]. И еще знаменитый пример: «“Я хочу пить”, – говорит мне желание (*ἐπιθυμία*). “Это пить”, – сообщают мне чувственное восприятие, воображение или ум, и я *тут же* (*εὐθὺς*) пью» [Там же].

⁸ «Движение [живого существа] можно уподобить движению механических игрушек (*τὰ αὐτόματα*)» [Там же, с. 747].

интенциональные отношения. «Например, – пишет Кицманн, – сказать, что кубик сахара растворился, потому что он был растворим и был помещен в чашку кофе, – значит дать причинное объяснение факту растворения кубика. Подобные объяснения не апеллируют к строгим законам, а чаще всего такие законы даже не известны» [Ibid, p. 244]. В то же время кажется очевидным, что если мы квалифицируем некоторое объяснение как причинное, то мы имплицитно соглашаемся, что это объяснение работает только при допущении, что объясняемые явления связаны как причина и следствие, т. е. признаем существование причинного отношения. Однако разница безусловно есть. Причинные отношения разворачиваются на уровне физического мира, а причинное объяснение работает в дискурсивном поле. Если мы согласимся с Кицманном, то вопрос сводится к тому, насколько причинное объяснение действий более успешно объяснения через основания.

Если все же отнестись серьезно к тезису Дэвидсона⁹, что основания для действия являются причинами, то возникает проблема отождествления причин и оснований. В большинстве своем такое различие подчеркивалось множеством философов. Однако все предприятие усложняется довольно темным пониманием Дэвидсоном причин. Что именно он имеет в виду, когда говорит, что базовое основание для действия является причиной этого действия? Базовое основание – убеждения и предрасположенность к действию (*pro-attitude toward action*) – это, по сути, ментальные состояния или психологические состояния, которые мотивировали агента поступить так или иначе. Но, как утверждает Памела Иероними, это не соответствует в полной мере стандартному пониманию оснований, ибо под последними принято понимать не сами психологические состояния, а «скорее факты или соображения, которые агент принял во внимание в пользу действия» [Hieronymi, 2011, p. 408]. В самом деле сами по себе психологические состояния не могут быть основаниями для действия, потому что они не предполагают наличие выбора и свободы воли, что мы выше уже видели в аристотелевской теории действия. Однако основная проблема с причинным тезисом в том, что он не вносит ясности. Само по себе постулирование причинной связи между ментальными актами и действиями не дает нам знания о том, какие именно желания и верования стали ключевыми в совершении действия. На это обратил внимание Джонатан Дэнси. В аргументе Дэвидсона содержится идея, согласно которой «существует философская теория причинности, которая придала бы теоретическую глубину различению с точки зрения причин (*causes*), в то время как не существует эквивалентной теории, поддерживаемой основаниями (*reasons*), которая придала бы философскую глубину некаузальной альтернативе» [Dancy, 2000, p. 162]. Это положение признается Дэнси сомнительным. Тезис является эффективным только в том случае, если теория причинности действительно способна отличить активную причину от неактивной и лишь потенциальной причины. Однако, как отмечает Дэнси, хорошо известно, что многие каузальные теории не способны провести это различие [Ibid, p. 163]. Это возражение близко по смыслу эпистемической проблеме, как ее принято обозначать в литературе, и которая часто указывается оппонентами Дэвидсона. Ни у стороннего наблюдателя, ни у самого субъекта действия нет уверенности, что в качестве причины будет

⁹ См. второй тезис, доказываемый Дэвидсоном: “The primary reason for an action is its cause” [Davidson, 1963, p. 686].

указано действительно то основание, которое привело к действию. Сторонний наблюдатель не имеет непосредственного доступа к мотивам актора, а сам актер может обманываться относительно своих реальных мотивов. Посмотрим на эту ситуацию глазами каузалиста и антикаузалиста. Предположим, что их осведомленность одинаковая, тогда и тот, и другой знают мотивы субъекта в полной мере. Будет ли преимущество у каузалиста в таком случае? Нет. Далее представим, что доступа нет ни у того, ни у другого. Будет ли каузалист более успешен? Снова мы вынуждены сказать – нет.

Однако все-таки кажется, что все эти замечания бьют мимо аргумента Дэвидсона. Во-первых, Дэвидсон не настаивает на детерминизме, как мы уже это поняли при рассмотрении его концепции аномального монизма. Во-вторых, он согласен с тем, что основания для действия – это не просто ментальные состояния, но некоторые соображения агента: основания делают действие рациональным в силу того, что действие кажется нам желаемым (“wanted”, “desired”, “prized”) [Davidson, 1963, p. 685]. В-третьих, его довольно необычная позиция по поводу природы причинности и логического (или лингвистического) подхода к анализу практического разума не позволяет с легкостью указать ему на различие причин и оснований как физических и дискурсивных единиц. В этой связи нам надо поставить другой вопрос и зайти с другой стороны. Самым серьезным заявлением Дэвидсона является мысль, что мы не можем объяснить действия, если не принимаем тезис каузалистов. Чем действительно лучше каузальный подход? Действительно ли он объясняет лучше действия, чем антикаузальный подход.

Приведем типичный случай согласно аргументу Дэвидсона: некто С совершает действие Д. Кажется, что основание O1 наилучшим образом объясняет его действие. Но есть основание O2, менее очевидное, но при этом именно O2 является истинным мотивом действия. По мнению Дэвидсона, именно O2 объясняет Д, поскольку является истинной *причиной* действия Д. Как следствие, правильное объяснение действий является по своей сути причинным объяснением.

К описанному примеру можно поставить два вопроса. Во-первых, почему мы говорим, что O1 не объясняет действие? Да, оно ложно, но в целом рационализацию оно дает, а именно это является одной из функций оснований. Во-вторых, как Дэвидсон может гарантировать нам знание O2? Как мы выше уже отметили, помимо того, что истинные мотивы скрыты от внешнего наблюдателя, сам субъект действия порой может ошибаться в отношении собственных оснований. Начнем с первого вопроса. Он может быть переформулирован следующим образом: всегда ли рационализация предполагает поиск причинно-следственных связей? Кажется, что ответ отрицательный. Возьмем для примера случай, описываемый Э. Энском в книге «Намерение». Представим человека, который забивает в стену гвоздь. Мы можем спросить: для чего ты забиваешь гвоздь в стену? И если ответом будет «чтобы приготовить обед», мы не поймем сути действия, потому что это не вписывается в стандартный контекст приготовления обеда. Если же ответом будет «чтобы повесить картину», мы будем удовлетворены ответом, поскольку действие при таком описании будет выглядеть осмысленным. Однако предположим, что у нашего субъекта действия есть ритуал – он вбивает гвоздь перед тем, как приготовить обед. Допустим на секунду, что он член религиозной секты, где перед обедом нужно воздавать хвалу божеству, забивая гвоздь. Это и есть реальная причина, по которой он взял в руки молоток.

В таком случае у нас есть знание причины, но для нас такой вариант не выглядит как основание, поскольку для нас этот контекст чужд, и данная причина не дает нам рационализации действия. Иначе говоря, причинность далеко не всегда идет рука об руку с рационализацией, на чем, кажется, настаивал Дэвидсон. Но самым трудным возражением будет следующее: если мы вслед за Дэвидсоном согласимся, что знание причины гарантирует объяснение действия, мы можем попасть в такую ситуацию, когда у нас есть это знание оснований и есть действие, которое прекрасно описывается и объясняется этим знанием, но тем не менее это объяснение ложно. Сам Дэвидсон привел пример случая альпиниста, в котором показал, что иногда связь резонов и действий случайна, хотя причинность имеется в наличии.

В более поздней работе Дэвидсон приводит пример: «Альпинист может захотеть избавиться от тяжести и опасности удерживания другого человека на веревке, и он может знать, что, ослабив хватку за веревку, он сможет избавиться от тяжести и опасности. Это убеждение и желание могли бы настолько расстроить его, что заставили его ослабить хватку, но, тем не менее, вполне возможно, что он никогда не выбирал ослабить хватку и не делал этого намеренно» [Davidson, 2001, p. 73]. В данном примере основания для действия стали реальной причиной совершения этого действия, но мы не можем сказать, что это описание беспроblemно объясняет действие. Дж. Уилсон полагает, что пример с альпинистом приводит нас к выводу, что «каузальный анализ, в конечном итоге, кажется, *не делает ничего*, чтобы отметить разницу между, с одной стороны, простым поведенческим эффектом пары желание-убеждение, которая удовлетворяет обозначенному содержанию по чистой случайности, и с другой стороны, часть поведения, которая действительно предназначена его агентом для достижения или содействия достижению цели» [Wilson, 1985, p. 39].

Заключение

Мы рассмотрели «главный аргумент» Дэвидсона в пользу того, что объяснения действий через основания являются причинным объяснением. Суть аргумента сводится к тому, что мы не можем объяснить действие до тех пор, пока не примем в расчет причинную связь между основаниями и действиями, которые эти основания порождают. Как отмечает Дэвидсон, у агента может быть несколько оснований, но только исходя из определенных он в итоге действует, и только эти «причинные» или «производящие» основания могут объяснить действие. Аргумент соединяет в себе два уровня: интенциональный и реальный, настаивая на том, что нельзя замыкаться на одном из них. На первый взгляд кажется, что антикаузалистам противопоставить нечего и приходится сдавать позиции. Однако, как мы увидели, «главный аргумент» Дэвидсона был встречен контраргументами. Прежде всего вызывает сомнения возможность перехода с уровня ментального на уровень физический, а именно это происходит, когда мы от разговора об основаниях переходим к разговору о причинности. Концепция аномального монизма, которой Дэвидсон постулирует тождество ментальных и физических событий, и в то же время пытается отстоять автономию сознания, мало что проясняет, но скорее порождает новые вопросы. Оппоненты Дэвидсона настаивают на необходимости выбора: либо мы остаемся на уровне

дискурса об основаниях и тогда причинность оставляем в мире физическом, либо мы низводим основания до уровня нейронных процессов в мозге. Но даже если закрыть глаза на эту дилемму, остается еще вопрос о причинности как таковой. Аргумент Дэвидсона предполагает, что существует такая теория причинности, которая способна различить эффективные причины от потенциальных причин, но проблема в том, что такой теории нет. Помимо этого отмечается, что рационализация не всегда идет рука об руку с причинностью, точнее причинность далеко не всегда предоставляет нам ясную и понятную картину действия, хотя именно на этом настаивает Дэвидсон.

Список литературы / References

Аристотель. (2016). О движении животных. Пер. Е. В. Афонасина. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 10. № 2. С. 737-753. DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2971.

Aristotle. (2016). On the Motion of Animals. Afonasin, E. V. (transl.). *Schole. A Journal of the Centre for Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 10. No. 2. Pp. 737-753. DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2971. (In Russ.)

Витгенштейн, Л. (1994). *Философские работы. Часть I*. Пер. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Изд-во «Гнозис». 612 с.

Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical Works. Part I*. Kozlova, M. S., Aseev, Yu. A. (transl.). Moscow. 612 p. (In Russ.)

Прист, С. (2000). *Теории сознания*. Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги. 288 с.

Priest, S. (2000). *Theories of the Mind*. Grjaznov, A. F. (transl.). Moscow. 288 p. (In Russ.)

Райл, Г. (1999). *Понятие сознания*. Под ред. В. П. Филатова. М.: Идея-Пресс. 408 с.

Ryle, G. (1999). *The Concept of Mind*. Filatov, V. P. (ed.). Moscow. 408 p. (In Russ.)

Сёрль, Дж. (2004). *Рациональность в действии*. Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция. 336 с.

Searl, J. (2004). *Rationality in Action*. Kolodiy, A., Rumyantseva, E. (transl.). Moscow. 336 p. (In Russ.)

Anscombe, G. E. M. (1957). *Intention*. Cambridge. Harvard University Press. 106 p.

Dancy, J. (2000). *Practical Reality*. Oxford University Press. 181 p.

Davidson, D. (1963). Actions, Reasons, and Causes. *The Journal of Philosophy*. Vol. 60. N 23. Pp. 685-700.

Davidson, D. (2001). *Essays on Actions and Events*. Oxford. 323 p.

Hieronimi, P. (2011). Reasons for Action. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Pt. 3. Pp. 407-427.

Hornsby, J. (2010). Trying to Act. In O'Connor, T., Sandis, C. (eds.). *A Companion to the Philosophy of Action*. Wiley-Blackwell. Pp. 18-25.

Kietzmann, C. (2023). Anscombe's and von Wright's Non-causalist Response to Davidson's Challenge. *Philosophical Investigations*. № 46 (2). Pp. 240-263.

Moore, M. S. (2010). Renewed Questions about the Causal Theory of Action. In Aguilar, J. H., Buckareff, A. A. (eds.). *Causing Human Actions. New Perspectives on the Causal Theory of Action*. The MIT Press. Pp. 28-43.

Sehon, S. R. (2000). An Argument against the Causal Theory of Action Explanation. *Philosophy and Phenomenological Research*. Vol. 60. № 1. Pp. 67-85.

Wilson, G. (1985). Davidson on Intentional Action. In LePore, E., McLaughlin, B. (eds.). *Actions and Events: Essays on the Philosophy of Donald Davidson*. Basil Blackwell. Pp. 29-43.

Wilson, G., Shpall, S. (2022). Action. [Online]. In Zalta, E. N., Nodelman, U. (eds.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/action/> (Accessed: 10 October 2024).

Информация об авторе / Information about the author

Санжеников Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

После доработки: 26.11.2024

Принята к публикации: 02.12.2024

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

The paper was submitted: 15.10.2024

Received after reworking: 26.11.2024

Accepted for publication: 02.12.2024